

ДВОРЕЦ ДОЖЕЙ

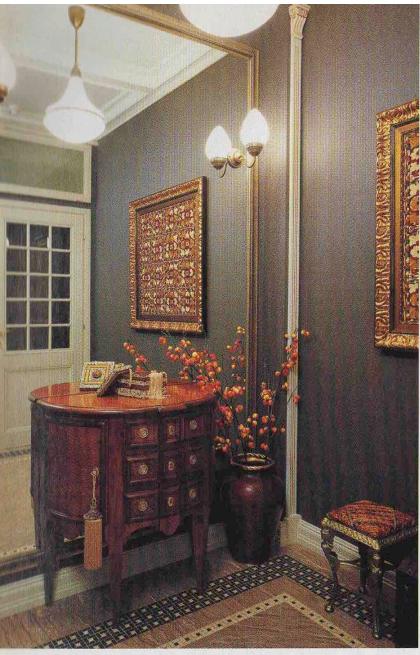
ИНТЕРЬЕР С ИТАЛЬЯНСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ

Очарование Италии способны передать не только полотна Франческо Гварди, оперы Джоаккино Россини или сонеты Петрарки. В этом нетрудно убедиться, взглянув на классический интерьер, созданный архитекторами Еленой Першиной и Алексеем Окрушки. Многое здесь построено на глубинных ассоциациях. Тусклый блеск позолоты и старинных зеркал, яркие вспышки муранского стекла и витиеватый узор потолка поражают роскошью, воскрешая в памяти дворцы дожей. Но **особая прелесть этого интерьера заключается** в том, что все в нем будто тронуто временем и собрано в гармоничную **композицию** не усилиями архитекторов, а волей нескольких поколений.

«Мы не сделали ни одного объекта в русле моды. И пока все увлекались минимализмом, мы открывали для себя классику, исполнить которую стоит гораздо большего труда, чем создавать минималистские интерьеры»

— Взыскательный художник редко доволен собой. Тем не менее, у архбюро «АРБАТ» есть и отмеченный дипломом проект жилищно-административного комплекса в районе проспекта Мира, и успешное участие в конкурсе на лучший памятник Шаляпину в Москве.

— А.О. Если вспомнить о работах, которые у нас неплохо получились, то речь пойдет о тех проектах, где архитектор и заказчик не мешали друг другу, где помогали строители и хватило собственных сил, чтобы довести объект до конца. Я часто анализировал творческий процесс и пришел к выводу, что нет архитекторов, которым хороший результат давался бы с легкостью. Произведения талантливых людей нередко преподносятся исключительно как плод гениальности, а не как следствие упорного труда. На мой взгляд, реализацию любого проекта можно в известном смысле сравнить с формированием человека. Интересная личность не может сложиться за пару дней. То же самое и с архитектурным объектом. Чем основательнее он осмыслен, тем больше времени и сил требуется для его воплощения.

— Е.П. Чтобы реализовать себя в различных областях архитектуры, а мы этого добиваемся, нужно иметь время для повышения квалификации. Кроме того, нам необходимо работать в разных направлениях, и делать это нужно не только очень профессионально, но и достаточно быстро, чтобы не отставать от тех, кто в данной области специализируется постоянно. Есть, например, студии, которые работают только в классике или в хай-теке. У нашей мастерской подобной специализации нет, поскольку мы не чувствуем предубеждения против какого-либо стиля.

— Однако вряд ли можно найти такого автора, у которого не было бы собственных стилистических предпочтений, не так ли?

— Е.П. Они, разумеется, есть, но я не переношу их на работу. Любая тема, особенно если заказчик увлечен стилистикой и уникальными решениями, становится настолько интересна, что вовсе не обязательно ее проектировать на себя и думать о том, нужно ли это лично мне. Если же говорить о предпочтениях клиентов, то сейчас не просто востребована какая-то конкретная стилистика, а прослеживается стремление определенной части заказчиков к чистоте выбранного стиля. Что касается довольно популярной ныне эклектики, то, на мой взгляд, она на шаг дальше, чем чистый стиль. Помимо, эклектика — это дальнейшее развитие стиля, попытка придать ему новый облик. Я полагаю, что хорошую эклектику можно сделать только тогда, когда очень глубоко и правильно понимаешь стиль.

— Эклектика — это своего рода компромисс в попытке увязать несколько стилей. Вам же приходится решать еще и другую, не менее сложную, задачу — искать компромисс между субъективными представлениями исполнителя и заказчика в таких тонких понятиях, как эстетика и вкус. Как вам это удается?

«Что касается популярной ныне эклектики, то она, на наш взгляд, на шаг дальше, чем чистый стиль. Эклектика — это развитие стиля, попытка придать ему новый облик»

— Как известно, совместная деятельность двух профессиональных архитекторов может складываться по-разному. В одних случаях она подразумевает разделение: когда один занимается творческими, а другой — организационными вопросами. В других случаях предполагает творческий tandem, в котором органично сочетаются обе личности. Что можно сказать о вашем союзе?

— Алексей Окрушки. Как показывает опыт, командная работа дает оптимальный результат. Хотя в основном вся наша деятельность выстроена таким образом, что на меня, прежде всего, ложится организационная, а на Елену — креативная функция. И чем дальше, тем больше эти функции проявляются.

— Елена Першина. Если исходить из того, что мы вместе проводим на работе большую часть жизни, то в известном смысле этот союз можно было бы назвать не только творческим, но и дружеским.

— Вероятно, именно этим, в первую очередь, можно объяснить высокое мастерство исполнения проектов?

— А.О. На самом деле мы пока не так уж успешны. Подлинными мастерами архитекторы становятся в более зрелом возрасте, ближе к пятидесяти годам, когда удается накопить багаж, развить эрудицию и научиться избегать эстетических просчетов. Процесс осознания своих ошибок растянуть во времени. Пока здание воздвигается, надо постоянно сравнивать, что было в начале строительства и что изменилось через год или полтора. Архитектору не приходится работать собственными руками, поэтому ему сложнее, чем скульптуру или художнику.

«Рождения нового стиля, о котором так много говорится в последнее время, пока не происходит. Такая большая работа целиком связана с мировоззрением отдельных выдающихся личностей, которые могут заглянуть в будущее и рассказать об этом»

— Е.П. Мы всегда стараемся максимально учесть функциональные и стилистические требования клиента и не предлагаем хай-тек человечку, который мечтает о барокко. Мы исходим из того, что клиент обращается к нам, прежде всего, за профессиональным решением. А понятие прекрасного — это не абсолютная категория, поскольку каждый в душе считает себя художником и оставляет за собой право судить, что является хорошим вкусом, а что — дурным. Абсолютные категории — это удобство и функциональность.

— С какими заказчиками вам проще работать?

— Е.П. Опыт показывает, что с подготовленными клиентами работать проще, поскольку они четко формулируют свои мысли и дают конкретные привязки, с которых начинается наше проектирование.

— А.О. В последние два года у нас становится все больше клиентов, которые готовы доверять архитекто-

ру. А доверие целиком и полностью зависит от того, видят ли заказчик перед собой профессионалов, которым стоит давать карт-бланш. В этом случае архитектор обретает полную уверенность в том, что он делает.

— В какой мере модные веяния отражаются на вашем творчестве?

— А.О. С коммерческой точки зрения — к сожалению, а с эстетической — к счастью, мы не сделали ни одного объекта в русле моды. Когда у многих шел поток оранжево-синих интерьеров, у нас не было ни одного подобного заказа. Пока все увлекались минимализмом, мы открывали для себя ампир, русскую классику, которую даже исполнить стоит большого труда, чем создавать минималистские интерьеры. Нельзя сказать, что мы сами, независимо от обстоятельств, поставили перед собой высокую задачу ос-

тавлять сложный архитектурный язык классики. Просто так складывалась жизнь.

— Как вы относитесь к мнению, что современное зодчество стоит на пороге зарождения нового стиля?

— А.О. Мне кажется, что рождения нового стиля, о котором так много говорится в последнее время, пока не происходит. Такая большая и сложная работа целиком связана с мировоззрением отдельных выдающихся личностей, которые могут заглянуть в будущее и рассказать об этом. К тому же нужна солидная финансовая база и хороший допинг в виде новых материалов и технологий, без которых современной архитектуре сложно себя вы-

разить. Сейчас предпринимаются несколько искусственные (пока сама архитектура к этому не готова) попытки создать новый стиль. Но на практике его появление будет связано с чем-то глобальным, охватывающим многих архитекторов как эпидемия. А этого мы пока не видим.

— Как вы относитесь к тому, что звезды мировой архитектуры в Москве пока не строят. И чьи проекты вам хотелось бы увидеть в нашей столице?

— Е.П. Конечно, было бы замечательно, если бы Москву украсили концептуально новые строения, воздвигнутые по проектам, например, Фрэнка Гери или Рэма Кулхааса. Это необходимо, в частности, потому, что за последнее время ситуация в отечественной архитектуре качественно практически не меняется. Существенно возросла лишь культура строительства, но стилистические достоинства нашей объемной архитектуры не стали выше. Разве что в частном сегменте (в том числе и в интерьере) наметились тенденции здорового чистого стиля, а архитекторы научились применять новые материалы, добиваясь интересных эффектов.

— В таких областях, как архитектура, дизайн и декорирование между зарубежным и отечественным долгое время пролегала пропасть. Есть ли здесь сегодня позитивные сдвиги?

— Е.П. Я бы не сказала, что нам никогда не догнать некую «всемирную», большую школу декорирования». Возможно, в русских людях заложен ген стремления к красоте, и как только в нашей стране происходят катаклизмы, это выливается в некую яркую оригинальную реакцию. Пример тому — русский авангард, которому поклоняется весь мир. В советское время художественная мысль, как и все остальное, переживала полный застой, и поэтому за словом «отечественный» с тех времен тянется шлейф — края отечественное — значит плохо». Но сейчас ситуация качественно меняется. В наши дни мы переживаем новый всплеск творческой активности.

— А.О. Европейские коллеги, с которыми мне приходилось встречаться, завидуют ситуации, которая сложилась у нас. Нам надо только радоваться и работать, чтобы успеть что-то сделать.

— Но не кажется ли вам, что времена, когда рынок будет более жестко регулировать сферу вашей деятельности, уже не за горами.

— А.О. Период вольчьею конкуренции обязательно придет, и я готовлюсь к этим временам. Они, конечно, просматриваются уже сегодня. Малая архитектура, дизайн и декорирование постепенно идут к этому, но пока спрос на исполнителей превышает предложение, и выживают не только сильнейшие, но и слабейшие. Если же говорить о большой архитектуре, то там как раз уже сложилась жесткая ситуация. ■

АРБАТ

Архитектурное проектирование. Дизайн. Декорирование. Архитекторы: Елена ПЕРШИНА и Алексей ОКРУШКО. 000 «АБ АРБАТ», г. Москва, ул.Кусковская 20А, офис 505 В, тел. 730-3589